

В.А. ЯДОВ

**СТРУКТУРА И ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ИМПУЛЬСЫ
СОЦИАЛЬНО-ТРЕВОЖНОГО СОЗНАНИЯ**

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, директор Института социологии РАН.

Адрес: 117259 Москва, ул. Кржижановского 24/35, строение 5;
Тел.: (095) 719-09-40; Факс: (095) 719-07-40.

Предметом нашего исследования является катастрофическое сознание. Но сущность и рамки этого феномена требуется уточнить, опираясь на фактические данные. В какой мере мы сталкиваемся с эффектом повышенного невротизма (например, страх перед нашествием инопланетян) и социальной тревожностью, имеющей реальные основания в сегодняшней жизни? Что, собственно, следует отнести к катастрофизму в массовом сознании, а что — к иным его состояниям (например, тревожности, озабоченности)? Какова латентная структура массовых страхов и тревог? И, наконец, какие действия для самосохранения (защиты себя и других) от разного рода опасностей люди предпринимают или намерены предпринять? Программа исследования предусматривала возможность поиска ответов на эти вопросы, хотя бы в первом приближении¹.

Эпидемия социальной тревожности

Предполагалось, что в известной мере беспокойства и страхи могут быть вызваны повышенным уровнем индивидуального невротизма. В современном мире, в индустриальных, урбанизированных обществах невротизм становится нормой. Но даже если это и так, то всегда найдутся более или менее уравновешенные люди, которые адекватно реагируют на окружающее, и такие, которые видят опасность там, где психически уравновешенный человек ее не усматривает. Поэтому правомерен вопрос: насколько тревоги и беспокойства, связанные с реальными или предположительными (иногда и воображаемыми) угрозами, объясняются общеличностной, индивидуальной тревожностью людей. Последняя фиксировалась стандартным тестом общей обеспокоенности (General anxiety): бессонница, низкая самооценка, неадаптированность к ситуации versus уверенность в себе, ощущение бодрости и т.п. (табл.1).

62,5% опрошенных в нашей выборке могут быть отнесены к умеренно тревожным: 50% из них сообщают, что стали раздражительны 27,7% - что страдают бессонницей, 35% - что не испытывают чувства бодрости и т.д., а иные испытывают некоторые из этих состояний одновременно. Около 20% ощущают полный или почти полный синдром, диагностирующий высокую общеличностную тревожность.

Таблица 1

Распределение по тесту общей тревожности

min <----- значения теста -----> max

N	1	2 3 4 5	6 7 8 9 10
---	---	---------	------------

¹ Обработка данных выполнена В.А.Тупиковым, предварительный анализ по первому разделу проведен И.В.Задориным.

%	17,9	17,0 19,3 14,7 11,6	8,2 6,0 3,1 1,3 0,9
%	17,9	62,5	19,6
Тип	Норма	Несколько тревожные	Высокотревожные

Большинство опрошенных утверждает, что начали испытывать беспокойство и страхи с началом реформ (23%) или в последние годы (48%). Около 20% испытывали беспокойства "с момента, когда начали задумываться над жизнью", — это те же 20% страдающих высокой общеличностной тревожностью.

Высокая тревожность по индексу катастрофизма В.Н.Шубкина (то есть опасения конкретных социальных и природных событий), равно как и по тесту общей тревожности, более явно выражена в группе лиц 40-49-летнего возраста и старше 60 лет, а также у женщин в сравнении с мужчинами и у лиц с низким уровнем образования. Иными словами, тревоги в восприятии реальности выше у наименее адаптируемой части населения, менее защищенной в силу материального и физического состояния и с относительно меньшим информационным потенциалом.

Проверялась гипотеза: насколько страхи и обеспокоенность людей различными проблемами связаны с их представлениями о том, что теми же проблемами обеспокоены и другие. Иными словами, можно ли сказать, что исследуемая нами тревожность (катастрофизм) переживается, ощущается людьми как явление *социальное*, а не как их особое, индивидуальное состояние.

Коэффициент сопряженности для признака "В какой мере перечисленные ниже бедствия кажутся опасными лично для вас и ваших близких?" (это довольно опасно; очень опасно, это губельно; затрудняюсь ответить) и признака "Как вы думаете, как много людей обеспокоены перечисленными ниже опасностями?" (весьма немногие; достаточно много; большинство людей; затрудняюсь ответить) по всем классам опасностей - социально-экономических, экологических, вызванных глобальными силами зла и т.д., — значим на уровне 0,001% и колеблется в пределах 0,41-0,44². Такие же связи получены для таблиц сопряженности: представление об опасностях лично для себя versus опасностях для себя и своих близких - от 0,39 до 0,42 (p<0,001); представления об опасностях лично для себя versus насколько другие люди опасаются того же самого - от 0,39 до 0,45 (p<0,001).

Например, более 50% из тех, кто сообщает, что их лично очень тревожат неожиданные природные, или экономические, или политические бедствия, считают, что то же самое тревожит большинство людей, 30% полагают, что это тревожит довольно многих граждан. Из тех, кто считает достаточно вероятными экологические бедствия, 43% полагают, что этим же обеспокоено большинство, и 12% — многие. И, напротив, люди, которые не испытывают особого беспокойства или затрудняются определить свое отношение к этим проблемам, полагают, что и другие мало обеспокоены или же, как и они, не могут выразить своего определенного отношения. Из тех, например, кто не знает, насколько вероятны упомянутые в опросе опасности, около 30% не знают, обеспокоены ли этим другие, 30% считают, что этим обеспокоены немногие. Зона неопределенности составляет здесь около 60%. Для тех же, кто выражает явное беспокойство, зона неуверенности в обеспокоенности других сужена до 30-40%.

Из этого краткого анализа можно сделать следующие выводы: немалая часть населения (в среднем двое из десяти человек) страдает

² Коэффициенты Пирсона 0,35-0,41 и Кендалла 0,29-0,37 при p < 0,001.

повышенной общеличностной тревожностью, усугубляемой социально-экономической нестабильностью, хотя истоки их невротизма глубже и должны быть объяснены фактами их биографии. Кроме того, до 70% опрошенных обнаруживают более или менее выраженное состояние социальной тревожности. Свои страхи и беспокойства, в отличие от первой группы, они считают типичными для многих других или для большинства населения и прямо связывают с реформами и нестабильностью общества в наше время. Следовательно, мы имеем дело с проявлениями именно *социальной, эпидемиологической тревожности* в том смысле, что она порождается в качестве массового явления как социально обусловленная эпидемия страхов и беспокойств.

Катастрофическое и депривированное сознание

Насколько уверенно можно утверждать, что предмет нашего исследования — катастрофическое сознание? В.Э.Шляпентох в своей теоретической разработке проекта (рукопись) отмечает, что в узком смысле катастрофизм связывается с природными бедствиями, например, массовым исчезновением биологических видов или вторжением космических объектов [1]. В социальной жизни разрушительные события воспринимаются таковыми в рамках определенной системы ценностей. Так, для одних распад СССР — национальная катастрофа, для других — праздник независимости России. Во всяком случае, ощущение катастрофы — *это восприятие жизненного пространства как непригодного для жизни.*

Здесь мы вынуждены обратиться к теории относительной депривации [2]. Исходный принцип депривационного подхода состоит в анализе величины разрыва между желаемым и достигнутым с учетом потребностей человека или группы населения. Понятно, что все элементы формулы относительной депривации многозначны. Потребности детерминированы социокультурно, связаны с общественным положением, зависят от личностных притязаний. Желаемое испытывает те же влияния и во многом определяется социально-статусными, региональными и иными формами дифференциации, неравенства в условиях жизни, а также их оценкой как легитимных или нелегитимных. Оценка достигнутого опять-таки зависит от уровня и социальных, и индивидуальных притязаний. Критериальным в нашей культуре является несомненное доминирование ценности социальной справедливости, правда, понимаемой по-разному.

Как показано в публикуемой выше статье В.Н.Шубкина, в некоторых регионах страны ощущение катастрофизма, тревожности массового сознания заметно выше, чем в других, ибо люди сравнивают положение в своем регионе с положением в других и полагают это несправедливым.

В отличие от угрозы относительной депривации, *угроза депривации абсолютной связана с невозможностью обеспечения элементарных жизненных потребностей.* Уровень абсолютной депривации оценивается расчетами нормативов жизнеобеспечения. В нашем же случае — это субъективные оценки опасностей, угрожающих жизни. Так, ленинградские блокадники не соотносили свое положение с положением других по критерию справедливости, страдая от абсолютной депривации. Ощущение катастрофы близко к состоянию абсолютной депривации, то есть восприятию наличных условий как угрожающих самой жизни. Под этим углом зрения мы и рассмотрим латентную структуру тревог и страхов, переживаемых населением России.

Латентная структура социально-тревожного сознания

Помимо ответов на вопросы, насколько люди обеспокоены теми или иными опасностями из 43 поименованных позиций, интервьюер просил респондента указать лишь одно бедствие, наиболее вероятное и наиболее страшное (табл.2).

Таблица 2

Самые опасные бедствия, открытый вопрос

Явление	% ответов
ядерная война	14,6
снижение жизненного уровня, обнищание	9,9
гражданские и межэтнические войны	9,3
массовая безработица	7,7
химическое и радиационное заражение среды	7,4
полное беззаконие, криминализация общества	7,3-6,4
массовые эпидемии, СПИД	5,1
терроризм, опасность захвата власти экстремистами	2,7

Таблица 2а

Наименее вероятные бедствия, открытый вопрос

Явление	% ответов
космическая катастрофа	10,8
нашествие ислама	5,6
сионизм и еврейский заговор, масонство	4,8-3,7
исчезновение белой расы	3,1
осознание бессмысленности жизни	2,7
перенаселение планеты	2,5

Имея в виду эту статистику, но опираясь на данные ответов в закрытой форме, рассмотрим, какова структура социально-тревожного сознания, то есть как взаимосвязаны тревоги и беспокойства относительно 43-х перечисленных в анкете возможных и реально переживаемых бедствий.

Обратимся к данным факторного анализа (Приложение, табл.7).

Первый фактор ($V=24,4\%$) вообрал в себя с положительными нагрузками все 43 наименования источников тревог и беспокойств и может быть назван фактором *общей тревожности*. С наибольшими нагрузками в нем лидируют тревоги относительно загрязнения и разрушения среды обитания: уничтожения лесов (0,60), химического отравления среды (0,60), скопления радиационных отходов (0,59), уничтожения животного мира (0,59), а также опасения массовых эпидемий (0,59), истощения природных ресурсов (0,56), глобального потепления климата (0,55) и т.д.

В числе страхов и беспокойств с достаточно высокой нагрузкой (более 0,50) в общем факторе мы находим: захват власти экстремистами или мафией (0,56), геноцид (0,51), полное беззаконие (0,52) и утрату чувства коллективизма (0,52).

Страх перед угрозой самой жизни в этом последнем синдроме оказывается в одном ряду с опасениями утраты одной из главных социальных ценностей — взаимопомощи, взаимной поддержки. Наименьшими нагрузками в общем факторе обладают беспокойства в связи с возможностью прихода к власти радикальных коммунистов (0,20), нашествием ислама (0,34), захватом власти инопланетянами (0,38). Ни одно из этих опасений не попало в список наиболее возможных, наиболее опасных (табл.2).

Второй фактор, биполярный ($V=6,7\%$), обнаруживает две подструктуры связей. С достаточно высокими положительными

нагрузками в него входят опасения, вызываемые: захватом мира масонами (0,63), еврейским заговором (0,63), нашествием ислама (0,59), распространением неонацизма (0,42), исчезновением белой расы (0,37) — то есть страхи, порождаемые ксенофобией.

Противоположный полюс в этом факторе составляют беспокойства, вошедшие в фактор с относительно невысокими отрицательными нагрузками и вызываемые: опасностью химического и радиационного заражения (-0,32), уничтожением лесов (-0,30), массовыми эпидемиями (-0,29), уничтожением животных (-0,27), истощением природных ресурсов (-0,27), глобальным потеплением климата. (-0,27). Это — полюс рациональных опасений за сохранение среды обитания человека (и человечества).

Очевидно, что данный фактор поляризует подструктуры беспокойств и тревог, провоцируемых относительной депривацией идеологизированного сознания в противоположность беспокойствам, связанным с достаточно прагматическими опасениями относительно загрязнения среды обитания человека и сохранения природы — опасениями абсолютной депривации. Назовем этот фактор *"ксенофобия — экологическая тревожность"*.

Третий фактор (V=5,3%) поляризует следующие две подструктуры: страх перед ядерной войной (0,45), концом света (0,48), нападением соседних государств (0,41), стихийными бедствиями (0,34) и космической катастрофой (0,33). Очевидный полюс катастрофизма. С высокими отрицательными корреляциями в этом факторе присутствуют: коррупция властных структур (-0,51), криминализация общества (-0,48), снижение жизненного уровня (-0,35), полное беззаконие (-0,31) и... кризис семейных ценностей (-0,26).

Данный фактор с полным основанием можно назвать фактором собственно *"катастрофизма"*. Оба его полюса выражают страх перед угрозой самой жизни. Эти угрозы поляризованы на исходящие от природных или космических сил и социогенные. Заметим, что в ряду последних, правда, с небольшой нагрузкой, — кризис семейных ценностей.

Четвертый фактор (V=3,8%) включает с положительными нагрузками: опасения перед терроризмом (0,31), гражданскими и межэтническими войнами (0,30), нападением извне (0,31), захватом власти экстремистами (0,29) и массовой безработицей (0,24). С отрицательными нагрузками в этом факторе лидируют: возникновение озоновых дыр (-0,40), глобальное потепление климата (-0,36), уничтожение лесов на планете (-0,35), уничтожение животных (-0,37), природных ресурсов (-0,22), химическое (радиационное) заражение (-0,23), скопление отходов (-0,22), приход к власти радикальных коммунистов (-0,24).

Это, видимо, фактор, который поляризует подструктуры страхов перед насилием и обнищанием против страхов перед уничтожением среды обитания, к коим присовокупляются беспокойство в связи с возвратом к тоталитаризму: фактор *"терроризм — экологическая катастрофа"*. Этот фактор мы можем отнести к подструктуре катастрофического сознания.

Пятый фактор (V=3,6%) включает с положительными нагрузками: страх перед геноцидом (0,43), захватом земли инопланетянами (0,35), диктатурой и массовыми репрессиями (0,37), распространением неонацизма (0,20) и с отрицательными нагрузками: неверие в бога (-0,37), американизация жизни (-0,36), преобладание иммигрантов (-0,34), приход к власти радикальных коммунистов

(-0,34)³, утрата чувства коллективизма (-0,34), осознание бессмысленности жизни (-0,22). Назовем его фактором "*тоталитаризм — русская самобытность*". Это фактор, поляризующий страхи перед возможной кровавой диктатурой и страхи утраты исконно русских ценностей. То есть в нашей концепции — фактор относительной депривации, поляризованный разными системами ценностей.

Шестой фактор (V=3,2%) поляризует страхи перед осознанием бессмысленности жизни (0,40), давлением иммигрантов иной культуры (0,33) и космической катастрофой (0,22) versus страхов перед сионизмом (-0,27), нашествием ислама (-0,25), масонством (-0,22), неонацизмом (-0,22), ядерной войной (-0,22), химическими заражениями (-0,22), истощением природных ресурсов (-0,22). Это фактор поляризации двух комплексов катастрофизма - краха духовного versus краха и физического и духовного, то есть фактор *максимизации катастрофического сознания*.

Общая структура социально-тревожного сознания, если судить по описанным факторам, исчерпывающим 43,8% вариаций факторной матрицы, представляется следующей. Страхи перед загрязнением природной среды, угрозой самой жизни вследствие беззакония и преступности — системообразующее ядро *социальной тревожности*. Ксенофобия на одном полюсе и боязнь природных катастроф — на другом (второй фактор) выявляют подструктуру обостренной *социальной тревожности*, возбуждаемой по принципу взаимного отторжения: либо я боюсь природных катастроф и равнодушен к ксенофобии, либо я боюсь заклятых врагов чуждой веры или национальности (цвет кожи и т.д.), что отодвигает на второй план страхи перед стихийными бедствиями.

В структуре собственно *катастрофизма* поляризуются страхи перед концом света (ядерная война, космические катастрофы) и страхи перед угрозой криминализации общества и обнищания. Озабоченность повседневными проблемами отодвигает на второй план озабоченность судьбами человечества. Это поляризация двух типов идентификаций — с ближайшим социальным окружением и с человечеством как глобальной общностью. Статистически последний тип солидарности в нашей выборке представлен минимально.

Фактор поляризации "*тоталитаризм — русская самобытность*" (пятый фактор) есть, как мы думаем, фактор относительной депривации, ибо прямо связан с ценностными позициями людей, их ориентациями на идеалы демократии или ценности патриотизма, каковые (те и другие) находятся под угрозой. В последнем, шестом, факторе мы имеем подструктуру максимизации катастрофического сознания (V=3,2%), его обнаженный нерв. Безумные страхи на одном полюсе (бессмысленность жизни, космическая катастрофа) противостоят столь же обостренным страхам перед гибелью российской культуры и экологической катастрофой⁴.

³ Приход к власти радикальных коммунистов вошел в два фактора с сильными нагрузками. В четвертом факторе эти страхи входят в экологический синдром и свидетельствуют об антикоммунистических установках тех, кто особенно озабочен состоянием природной среды обитания (это — преимущественно жители городов, а также более квалифицированные и более образованные). В пятом факторе страх перед радикальными коммунистами сопряжен с опасениями утраты национальной самобытности — след реакции на атеистическую пропаганду и лозунг интернационализма.

⁴ Убедительно подтверждается заключение В.Н.Шубкина о глубинной связи

Вращение факторов методом VARIMAX проясняет описанную структуру, не меняя ее природы. Отвечая на вопрос, какое же сознание мы исследуем, можно заключить:

- мы регистрируем социально-тревожное сознание, в структуре которого катастрофизм как ощущение опасности для самой жизни играет не последнюю (но и не первую) роль;

- катастрофизм — это подструктура тревожного сознания, питающая его в большей мере опасениями природных катастроф, беззаконием, обнищанием и угрозой войн, нежели страхами, связанными с идеологизированной картиной социального пространства;

- ксенофобия составляет слабую подструктуру национального самосознания, но утрата коллективизма, как и кризис семейных ценностей, представляются многим гражданам России (40-60% опрошенных) столь же разрушительными, как уничтожение природной среды обитания;

- в концепциях относительной и абсолютной депривации наблюдается доминанта страхов перед абсолютной депривацией, то есть угрозами самой жизни в большей мере, чем жизни достойной, желаемой. Иными словами — самосохранительные установки на выживание определенно господствуют.

Страхи, тревоги и беспокойства как побудители к действию

В какой степени обеспокоенность той или иной опасностью или угрозой побуждает к действиям, направленным против этой угрозы? В качестве показателя уровня обеспокоенности различными угрозами примем сопряженность между ответом на вопрос "В какой мере вы уверены в своем будущем?" (вполне уверен, скорее уверен, скорее не уверен, совершенно не уверен и отсутствие ответа) и уровнем обеспокоенности каждой из 43-х поименованных выше опасностей. Наименьшие значения коэффициента (0,10-0,15) получены для таких угроз, как: нашествие ислама, масонство, сионизм, угроза исчезновения белой расы, захват Земли инопланетянами, перенаселение городов и некоторые другие. Наибольшие ассоциации с неуверенностью в своем будущем фиксируются в отношении страхов массовой безработицы (0,31), снижения жизненного уровня (0,28), американизации жизни (0,26), утраты чувства коллективизма (0,25), криминализации общества (0,23). Неуверенность в своем будущем сопряжена с экологическими тревогами на уровне 0,16-0,19⁵.

Приведем статистику распределения ответов на вопросы о характере действий для упреждения тех угроз, которые названы как наиболее вероятные и страшные. Первый вопрос — проективный (табл. 3), второй — установка готовности (табл. 4) и третий — установка действия (табл. 5). Иными словами, мы предложили своего рода "воронку" установочных "готовностей".

Таблица 3

Ответ на вопрос: Если это (то есть, по вашему мнению, особо опасное) бедствие все-таки произойдет или уже произошло, то как вы будете себя вести ? (% к N=1346)

Буду или уже предпринимаю какие-то меры, чтобы предотвратить или ослабить эту опасность	41,3
Считаю, что от моих действий ничего не зависит	58,7

патриотизма и озабоченности сохранением природных ресурсов страны.

⁵ Все коэффициенты значимы на уровне $p < 0,01-0,03$.

В проективной ситуации отношение терпеливых фаталистов к обеспокоенным и действующим составляет 6:4, но в двух других ситуациях соотношение оборачивается в пропорцию 3:7 и теперь уже — в пользу намеренных действовать или уже предпринимающих какие-то меры для самосохранения.

При этом действующих за себя и своих близких почти в 10 раз больше, чем действующих не только за себя, но и за "незнакомых других", за некоторые сообщества или общество в целом: 70% не приемлют коллективных действий против наиболее опасной угрозы и не высказывают намерений что-то предпринять в общенародных интересах. Напомним, что в ряду особо опасных не было названо каких-либо фантастических угроз (табл.2).

Вряд ли такой результат говорит об отсутствии чувства коллективизма, ибо, как мы знаем, утрата чувства коллективизма переживается нашим народом исключительно остро. Скорее всего, основная причина отсутствия намерений к солидарным действиям против наиболее опасных угроз — неверие в способность рядового гражданина даже коллективными действиями повлиять на изменение общей ситуации в стране, то есть недоверие к органам государственной власти. Именно они, по общему мнению, призваны гарантировать от обнищания, преступности, уничтожения среды обитания, обеспечить сохранение национальной культуры и защиту от внешнего врага. Если же взглянуть на данные о действиях, направленных на упреждение вполне конкретных опасностей, то нетрудно заметить следующее: чем выше способность собственного контроля за ситуацией повседневной жизни, тем выше уровень личной активности для упреждения угрозы, что вполне объясняется и здравым смыслом, и теорией.

Таблица 4

Ответ на вопрос: "В какой мере вы лично готовы предпринять или уже предпринимаете какие-то усилия, чтобы обезопасить себя от угрозы, представляющей вам наиболее вероятной и наиболее опасной?" (в % к N = 1346)

Действия	Я уже это делаю	Я намерен (а) так поступить	Это не для меня
Все возможные меры для ограждения себя от этой угрозы	40,2	30,6	29,2
Все, что от меня зависит для предотвращения этой опасности для близких	37,9	35,8	26,4
Все возможное для предотвращения этой опасности для нашего народа	4,6	25,9	69,5
Объединяюсь с другими, кто также видит эту опасность и принимает меры к ее предотвращению	7,5	24,9	67,7
Полагаю, что надо просто перетерпеть опасности и лишения	23,6	10,4	66,0

Таблица 5

Ответ на вопрос: "Предпринимаете ли вы что-нибудь для того, чтобы предотвратить наиболее вероятную и наиболее опасную, с вашей точки зрения, угрозу или для того, чтобы смягчить ее последствия?" (в % к N = 1346)

Действия	%
Обсуждаю с родными и знакомыми	53,1
Пытаюсь организовать друзей, соседей	3,1
Стараюсь обратить на эту угрозу внимание властей	1,6
Обращаюсь к средствам массовой информации	0,2

Полагаю, что это не моя забота	8,1
Считаю, что все бесполезно, ничего сделать нельзя	30,3
Другое	3,7

Доказательства этого утверждения: для предотвращения угрозы безработицы не намерены что-либо предпринимать 14%, в подавляющем большинстве — пожилые люди. В попытках возместить недостаток средств к существованию полностью пассивных нет вообще; готовых просить подаяние — 8% (малоквалифицированные и пожилые); готовых продавать вещи или жить на средства родственников без максимизации собственных усилий, иждивенцев — нет.

Все остальные активно предпринимают самые разные меры: прирабатывают — 22%, намерены прирабатывать — 46%, получают доход по денежным вкладам или намерены это делать — 30%, пользуются продуктами от своего земельного участка — 70%, планируют это делать — 12%.

Действия для предохранения от преступности и загрязнения среды также достаточно активны, но прежде всего и главным образом самозащитные, не коллективные (табл. 6).

Таблица 6

Ответ на вопрос: "В какой мере вы лично готовы предпринять или уже предпринимаете какие-то усилия, чтобы обезопасить себя от преступности / от загрязнения окружающей среды?" (в % к N = 1346)*

Действия	Я уже это делаю	Я намерен (а) так поступить	Это не для меня
Все возможные меры для того, чтобы обезопасить себя от этой опасности	40,2	30,6	29,2
	42,9	30,8	26,3
Все, от меня зависящее, чтобы предотвратить эту опасность для близких	37,9	35,8	26,4
	39,7	34,8	25,5
Все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для нашего народа	4,6	25,9	69,5
	9,6	28,7	61,7
Объединяюсь с другими, кто также видит эту опасность и принимает меры для ее предотвращения	7,5	24,9	67,7
	8,3	25,3	66,4
Полагаю, что надо перетерпеть опасности и лишения	23,6	10,4	66,0
	20,8	9,8	69,4

* Верхняя строка — проценты, выражающие отношение к преступности, нижняя — к загрязнению среды.

Из таблицы видно, что соотношение фаталистов и активно настроенных или уже действующих опять же 3:7 в пользу активных. Готовых к солидарным действиям — около трети.

Итак: пассивность и фатализм в отношении невзгод, даже тех, что могут быть как-то ослаблены собственной активностью, свойственны примерно 1/3 граждан (в основном это более пожилые люди); чем выше вероятность личного контроля над повседневной жизнью, тем выше поведенческая готовность к действию; чем ниже такая вероятность (например, угроза атомной войны), тем ниже готовность к действию; люди в большинстве своем склонны опираться на собственные, индивидуальные усилия, не готовы к солидарным действиям для предотвращения угроз и опасностей, что

вытекает из отсутствия доверия к власти, способной прислушаться к мнению граждан, и/или объясняется отсутствием общенациональной солидарности; неуверенность в собственном будущем сопряжена почти в равной мере с обстоятельствами, которым люди могут как-то противостоять (угроза безработицы, низкие доходы), и с обстоятельствами, которым они противостоять, по их мнению, бессильны: загрязнение среды, преступность, возможность межэтнических конфликтов, ядерной войны, разрушение национальных ценностей, "американизация жизни", утрата чувства коллективизма и т.д. Отсюда следует прогноз высокого уровня социальной тревожности на весь период до начала стабилизации экономики и социальных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Albritton C. Catastrophic Episodes in Earth History. London: Chopman and Row, 1989.
2. Runciman W.G. Relative Deprivation and Social Justice. Berkley: California University Press, 1966.

Приложение Таблица 7

Факторная матрица до вращения факторов (метод главных компонент)

Перечень признаков	Фактор 1 (25%)	Фактор 2 (6,7%)	Фактор 3 (5,3%)	Фактор 4 (3,8%)	Фактор 5 (3,5%)	Фактор 6 (3,3%)
1. Ядерная война	46	- 12	46	22	08	-22
2. Терроризм	48	- 14	12	32	29	- 12
3. Нападение соседних государств	45	- 08	42	27	14	- 02
4. Гражданские и межэтнические войны	50	- 21	03	32	27	- 04
5. Геноцид, то есть массовые преследования людей по этнонациональной принадлежности	51	03	13	16	43	08
6. Захват власти в стране экстремистами или мафией	56	-02	-03	30	28	11
7. Диктатура и массовые репрессии	54	05	01	20	38	06
8. Катастрофический неурожай	51	-21	29	18	-15	- 13
9. Природные бедствия	54	- 24	34	04	- 10	- 12
10. Конец света	44	04	48	02	- 06	22
11. Сокращение рождаемости в России	48	- 01	-09	- 04	- 16	- 09
12. Перенаселение	41	21	22	- 13	09	18
13. Истощение природных ресурсов	56	- 27	-02	- 24	-02	- 22
14. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов	60	-32	-05	- 22	01	- 22
15. Опасность уничтожения различных видов животных	60	- 27	-09	- 37	01	- 12
16. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний	59	- 30	01	- 17	-06	- 13
17. Возникновение в атмосфере озоновых дыр	57	- 19	03	- 41	14	02
18. Уничтожение лесов на планете	61	-31	-08	-36	-05	- 12
19. Глобальное потепление климата	55	- 10	-04	-36	15	14
20. Гибель землян в	53	07	33	- 14	-07	22

результате космической катастрофы (столкновение с астероидами, кометами и т.п.)						
21. Массовая безработица	44	-23	-23	24	-15	04
22. Криминализация общества	46	-23	-49	21	07	18
23. Коррупция властных структур	49	-01	-51	16	13	18
24. Кризис семейных ценностей	49	-03	-26	03	-04	25
25. Полное беззаконие	52	-15	-32	12	-06	16
26. Опасное перенаселение городов	48	22	14	-13	04	34
27. Скопление неиспользуемых отходов	60	-08	-12	-22	15	01
28. Снижение жизненного уровня, обнищание	48	-27	-36	17	-20	03
29. Преобладание иммигрантов, которые не хотят или не способны освоить нашу культуру, язык, образ жизни	43	29	-10	-17	01	33
30. Осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти	48	12	20	01	-22	40
31. Утрата чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм	52	10	-10	14	-34	13
32. Нашествие ислама	35	60	-12	-01	07	-25
33. Сионизм и еврейские заговоры	37	63	-16	01	01	-27
34. Масонство и его попытки захватить мир	43	63	-09	-02	00	-22
35. Распространение неонацизма и ему подобных сил	48	43	-16	-01	20	-23
36. Приход к власти радикальных коммунистов	20	33	-11	-24	35	01
37. Исчезновение "белой расы" как результат высокой рождаемости у народов с другим цветом кожи	45	38	09	-01	-14	-11
38. Американизация жизни в России	44	15	-12	18	-37	-10
39. Распространение ядерного оружия	58	-08	17	08	-15	-30
40. Генетическое вырождение нации	53	19	-12	03	-14	-10
41. Захват Земли инопланетянами	38	29	35	-10	-16	21
42. Полная утрата русских традиций и культуры	52	13	-07	11	-37	-07
43. Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	39	15	07	09	-22	10